РАЗДЕЛ IV. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В СОБЫТИЯХ, ФАКТАХ, ЛИЦАХ

Становление православной миссии в Вятской губернии: организационное оформление и миссионерские кадры

Э. Г. Касимова

Вятская губерния отличалась своим многонациональным населением, исповедовавшим разные религии. Поэтому важной задачей, стоящей здесь перед Русской православной церковью, была христианизация нерусского населения.

Одно из ранних описаний православной миссионерской деятельности в Вятской губернии принадлежит А. И. Герцену. В произведении «Былое и думы», вспоминая о вятском периоде своей жизни, он рассказывает о деятельности столичного миссионера Курбановского, направленного в Вятскую епархию Святейшим синодом распространять православие среди некрещёных марийцев.

Впрочем, ко времени вятской ссылки А. И. Герцена в Вятской губернии уже существовали две миссии, основанные указами Святейшего синода, – черемисская (с 1828 г.) и вотская (с 1830 г.). Причём вотская миссия была создана по инициативе вятского священника Иосифа Стефанова, за свою активную миссионерскую деятельность удостоенного звания протоиерея уже в 30 лет. Миссионером он оставался до 1877 г., даже будучи уволенным за штат по возрасту[1].

Но, несмотря на энтузиазм отдельных миссионеров, результаты деятельности инородческих миссий в России были достаточно низкими и не соответствовали тем возможностям, которые имела господствующая конфессия империи. К 1868 г. в Вятской губернии православных было 2 251 030 чел. (96 % населения), кроме русских, большая часть удмуртов, марийцев, все коми, незначительная часть татар (более 13 тысяч). Мусульман насчитывалось 98 029 чел.

(4 % населения) – это большинство татар и все башкиры. Язычниками числились 9 603 марийцев и удмуртов (0,4 % населения)[2]. Но православие не стало частью самосознания основной массы крещёных удмуртов, марийцев, татар. Большинство уже окрещённых «инородцев» не в полной мере выполняло христианские обязанности, у основной массы удмуртов и марийцев сохранялось традиционное мировоззрение и элементы традиционных верований, распространялось двоеверие, частыми были случаи отхода от православия, особенно у крещёных татар.

Недостаточная эффективность православной миссии обусловила необходимость её реформирования. Новая концепция миссионерской деятельности была разработана Николаем Ивановичем Ильминским (1822–1891). Её главные принципы – отказ от принудительной христианизации, донесение православия до нерусского населения путём использования его родного языка: через богослужение на «инородческих» языках, «инородческий» причт, школу с использованием «инородческих» языков.

В России возникают общественные организации, которые вели свою деятельность среди «инородческого» населения на основании идей Н. И. Ильминского. 21 ноября 1869 г. императором Александром II был утверждён устав общероссийского Православного миссионерского общества (ПМО), созданного с целью содействия православной миссии в деле обращения в православие не христиан Российской империи, а также утверждения в вере уже окрещённых. Возглавлял эту организацию Совет под председательством митрополита Московского, состояло оно под покровительством супруги императора Марии Николаевны. Деятельность Общества находилась под наблюдением Св. синода.

Одним из первых в Российской империи было создано Вятское отделение ПМО – 28 мая 1870 г., в день прихода с реки Великой вятской святыни – иконы Николая Чудотворца. На первом собрании Вятского отделения в члены общества записалось 34 чел.[3], а в 1905 г. их количество достигло уже 503 человек[4]. Деятельность Вятского отделения ПМО возглавлял Комитет, избираемый общим собранием его членов. Первоначально епископ Вятский и Слободской Аполлос возложил руководство Вятским отделением на епископа Сарапульского; с 1886 по 1914 г. Комитет возглавлял сам епископ Вятский и Слободской, с 1914 г. – вновь викарий, епископ Глазов-

ский. Товарищем председателя являлся вятский губернатор. В Сарапульском викариате 21 ноября 1892 г. было организовано православное Вознесенское братство при Сарапульском Вознесенском соборе, главными задачами которого являлись содействие инородческой и противораскольничьей миссии и распространение христианского просвещения.

К 1870 г. в Вятской епархии по-прежнему существовала инородческая миссия, находящаяся в ведении Духовной консистории. В неё входили главный миссионер, кафедральный протоиерей Стефан Кашменский (одновременно он занимался миссионерской деятельностью среди старообрядцев), а также подчинённые ему окружные миссионеры: в Глазовском уезде – протоиерей отец И. Стефанов, в Сарапульском – священник отец И. Будрин (считался и татарским миссионером, но татарского языка не знал), в Малмыжском – священник отец И. Семакин, в Яранском и Уржумском – священники отец А. Тихвинский, отец С. Увицкий и отец Д. Двинянинов. Вятское отделение ПМО сразу же начинает играть активную роль в работе инородческой миссии. Им были привлечены к миссионерской деятельности добровольцы-«простецы»: крестьяне Селтинской волости Малмыжского уезда земский заседатель и оспопрививатель Ф. Трифонов, «старокрещён из вотяков» (в 1875 г. отстранённый от должности помощника миссионера из-за грубого поведения в отношении удмуртов[5]), швец Г. Орлов, причетчик с. Тектубаевского Я. Орлов, заштатный причетчик с. Бирского Уфимской губернии И. Александровский[6]. С 1877 г. инородческие миссионеры, по-прежнему находясь в ведении Духовной консистории, стали отчитываться и перед Вятским комитетом ПМО, направляя рапорты о своей деятельности непосредственно на имя возглавлявшего его вятского архиерея. Главный епархиальный миссионер стал постоянным членом Вятского комитета ПМО, а последний «оказывал свое содействие направлением их деятельности и денежным вознаграждением за труды...»[7].

Указом Св. синода от 7–25 ноября 1877 г. главы епархий получили право самим назначать миссионеров, не испрашивая на это утверждения Синода. В 1881 г. в Вятской епархии была организована татарская миссия, вначале среди крещёных татар Умякского прихода Елабужского уезда, куда был назначен священником крещёный татарин Борис Гаврилов, уроженец дер. Никифоровой Мамадышского уезда Казанской губернии, из старокрещённых, окончивший Казан-

скую крещено-татарскую школу. До принятия сана он работал учителем в крещено-татарских, вотских школах[8]. Б. Гаврилов занимался переложением христианских книг с татарского языка на удмуртский, а также сбором материалов по языку, преданиям, обрядам удмуртов, ряд этих материалов был напечатан. Вследствие болезни отца Бориса Гаврилова на посту татарского миссионера сменил отец Филипп Гаврилов, также крещёный татарин, назначенный в 1883 г. в Мамсинерский приход Малмыжского уезда, в котором в предыдущем году было много случаев уклонений крещёных татар в ислам[9]. Количество миссионеров увеличилось после открытия в 1886 г. в Сарапульском викариате собственного Духовного правления с епископской кафедрой. В связи с большим количеством крещёных и некрещёных марийцев, удмуртов, татар в пределах Сарапульского викариата миссионеры имелись в нём в начале 1890-х гг. в каждом из благочиннических округов[10].

В 1892 г. «инородческой» миссией занимались семь миссионеров: в Глазовском (священник с. Верхпорзинского отец П. Мышкин), Елабужском (священник Никольского собора г. Елабуги отец П. Смирнов), Яранском (священник с. Кугушерги отец Н. Романов) уездах, в Уржумском (священник с. Токтай-беляк отец С. Громов, священник с. Лопьял отец С. Увицкий), миссионер в Малмыжском и Сарапульском уездах (священник с. Июльского отец И. Анисимов) и специальный миссионер для татар по Уржумскому, Малмыжскому и Елабужскому уездам (священник с. Шоринского отец Ф. Гаврилов).

Миссионеры избирались на благочиннических съездах из числа приходских священников. В своей основной массе они знали языки финно-угорских, тюркских народов или сами по происхождению принадлежали к ним, к концу XIX – началу XX в. не знающие «инородческих» языков миссионеры (например, миссионер по Яранскому уезду Н. Романов) были уже исключительным явлением.

В обязанности миссионеров входило совершать поездки по своим миссионерским округам (соответственно, в сферу действий епархиального миссионера входила вся епархия), проводить там богослужения, собеседования, контролировать соблюдение нерусским населением христианских обязанностей и тому подобное. На миссионеров, как и на приходских священников, возлагался контроль за отпадшими из православия, они были обязаны проводить с ними собеседования и добиваться возвращения в лоно православия. Мис-

сионеры имели право посещать земские училища, если в них учились дети «инородцев», полицейские десятские и сотские должны были помогать им в сборе народа, если они найдут это удобным[11]. Но миссионер не мог полностью посвятить себя только этому виду работы, так как оставался и приходским священником. Другими препятствиями являлись недостаточное материальное обеспечение непосредственно его миссионерской деятельности и большой размер миссионерских округов, в которые входили десятки населённых пунктов, разбросанных на большие расстояния, так что миссионер мог побывать в каждом селении иногда только один раз в год. Ближайшим помощником миссионеров в осуществлении православной миссии должно было быть приходское духовенство; впрочем, этот постулат в действительности был скорее пожеланием, а не констатацией реального положения дел.

Следует признать, что до начала XX в. «инородческой» миссии уделялось мало внимания со стороны церковных руководящих органов; более значимым направлением деятельности признавалась миссия противораскольническая – ей уделялось больше места в ежегодных отчётах вятского архиерея в Св. синод, в которых и отчёт о ней шёл перед отчётом об инородческой миссии, да и общероссийские съезды духовенства, проводившиеся в это время, в основном носили противостарообрядческий характер. Ещё в 1870–1880 гг., когда главный епархиальный миссионер отвечал за миссионерскую деятельность в целом, большее внимание он уделял именно противораскольнической миссии.

Большим недостатком инородческой миссии было и то, что фактически она не имела чёткой вертикальной структуры, своего специализированного органа управления. В 1888 г. Св. синодом рекомендовалось учреждать в епархиях должности освобождённых от исполнения других обязанностей епархиальных, окружных и уездных миссионеров. Но эта мера не носила характера обязательной, поэтому в Вятской губернии в конце 1880-х гг. она не была осуществлена ввиду недостатка средств на её реализацию. Лишь в 1893 г. решением епархиального начальства была учреждена должность епархиального миссионера, занимавшегося непосредственно инородческой миссией. Им был назначен священник с. Шоринского Уржумского уезда Филипп Гаврилов[12]. Первоначально его деятельность распространялась только на татар и башкир, он числился противо-

мусульманским миссионером с пребыванием его в Малмыже. Впоследствии его компетенция расширилась и на других «инородцев» епархии – 28 апреля 1894 г. он был утверждён в должности главного инородческого миссионера по Сарапульскому викариату[13]. Из имеющихся архивных данных можно прийти к заключению, что вскоре Ф. Гаврилов встал во главе всей епархиальной инородческой миссии, по крайней мере, к началу 1895 г. все инородческие миссионеры отчитывались о своей деятельности ему, и уже он отсылал вятскому архиерею отчёты о работе инородческой миссии в целом. Помощником Ф. Гаврилова стал удмурт Косма Андреев, заведующий Карлыганской центральной вотской школой, о котором высоко отзывался Н. И. Ильминский. Таким образом, в Вятской губернии появились отдельные должности епархиального противостарообрядческого миссионера и епархиального инородческого миссионера.

После смерти Филиппа Гаврилова в мае 1896 г. Косма Андреев был назначен исполняющим должность инородческого миссионера, с увольнением его от должности заведующего и учителя Карлыганской центральной вотской школы, но без принятия священства. Местом его постоянного пребывания была определена деревня Старый Карлыган, в которой он родился и жил[14]. Но, не будучи священником, он не пользовался авторитетом среди вятского духовенства. Судя по архивным и нарративным источникам, епархиальный противостарообрядческий миссионер вновь стал именоваться «епархиальным миссионером», то есть без уточнения «старообрядческий», и в сферу его компетенции вошло и нерусское население губернии. Такая ситуация сохранялась до 1903 г., когда епархиальным инородческим миссионером был назначен Аркадий Иванович Емельянов, выпускник Казанской духовной академии, знавший татарский и изучавший, по его словам, другие «инородческие» языки, распространённые в Вятской епархии. К. Андреев остался его помощником[15].

К 1905 г. епархиальная миссия состояла из епархиального миссионера, его помощника и окружных миссионеров. Окружными миссионерами были: по Глазовскому уезду протоиерей с. Верхо-Парзей отец П. Мышкин и священник с. Понина отец С. Крекнин; по Уржумскому уезду священники с. Турека отец С. Громов и с. Косолапова отец Н. Тронин; по Малмыжскому уезду священники с. Бекташева отец И. Ефремов, с. Удугучина отец М. Елабужский и с. Старого

Мултана отец Е. Попов; по Елабужскому уезду священники с. Умякского отец С. Емельянов, с. Варзиатчей отец П. Смирнов и с. Кургана отец В. Домрачев; по Сарапульскому уезду священники с. Шаркана отец И. Трапицын и Ижевского завода отец Н. Анисимов; по Яранскому уезду священник с. Великопольского отец Н. Упшинский[16].

Пока не удалось выявить чёткую датировку создания вертикальной структуры инородческой миссии. Как уже было отмечено, сама должность епархиального инородческого миссионера появилась в 1893 г., но первоначально компетенция его распространялась только на татарское и башкирское население губернии. Не найдено документов, которые проливали бы свет на то, когда и на каких основаниях его компетенция распространилась на всех «инородцев» губернии.

Исходя из анализа архивных источников, можно предположить, что произошло это в 1894–1895 гг., но становление вертикальной структуры инородческой миссии затормозилось после смерти Ф. Гаврилова в 1896 году. Поэтому, по мнению автора, только в начале XX в. произошло завершение организационного оформления вятской инородческой миссии как учреждения с чёткой вертикальной структурой, что, по нашему мнению, связано с усилением внимания к инородческой миссии именно в этот период. Во главе инородческой миссии встал епархиальный инородческий миссионер, освобождённый от обязанностей приходского священника, которому подчинялись окружные миссионеры из числа приходского духовенства, которые по-прежнему оставались и приходскими священниками.

Примечания

[1] ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 165. Д. 81. Л. 7 об.

[2] Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1870 г. Вятка, 1870. С. 406–407.

[3] Вятские епархиальные ведомости. 1870. № 11 (отд. офиц.). С. 233.

[4] Отчёт Вятского комитета ПМО за 1905 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 35 (прил. к отд.). С. 4.

[5] Отчёт ВК ПМО за 1875 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1876. № 5 (отд. офиц.). С. 82.

[6] ЦГАКО. Ф. 811. Оп 1. Д. 462. Л. 5 об.

[7] Там же. Ф. 237. Оп. 74. Д. 2282. Л. 107.

[8] См.: Износков И. А. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края. Вып. 3 Изд. 2-е. М., 1895.

[9] ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 462. Л. 31.
[10] Вятские епархиальные ведомости. 1894. № 10 (отд. офиц.). С. 174–175.
[11] ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 497. Л. 3.
[12] Вятские епархиальные ведомости.1893. № 5 (отд. офиц.). С. 108.
[13] Вятские епархиальные ведомости.1894. № 10 (отд. офиц.). С. 175.
[14] Вятские епархиальные ведомости. 1897. (отд. офиц.). С. 509.
[15] Отчёт ВК ПМО за 1904 г. Вятка, 1905. С. 7.
[16] Отчёт ВК ПМО за 1905 г. Вятка, 1906. С. 5.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди язычников во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Уржумского уезда Вятской губернии)

М. А. Мыльникова

Уржумский уезд Вятской губернии всегда отличался полиэтническим составом населения. Представители четырёх этносов: русские, марийцы, татары, удмурты – исторически проживали на его территории. Этническая принадлежность населения была тесно связана с конфессиональной. Во второй половине XIX – начале XX вв. в уезде проживали адепты официального православия (около 90 % населения), старообрядчества (3,8 %), ислама (4,2 %) и язычества (1,2 %)[1]. При этом численность последних по сравнению с другими уездами губернии была довольно значительна. В частности, по данным переписи 1897 г., здесь проживала ¼ всех приверженцев язычества в губернии (3 246 из 12 331). Подавляющую часть их составляли марийцы, исторически проживавшие на большей части территории уезда. Православное духовенство в ходе миссионерской деятельности стремилось обратить их в лоно официальной церкви, но сталкивалось при этом с рядом трудностей. Одна из них – бытование в уезде феномена двоеверия, когда марийцы принимали православие, но продолжали исповедовать язычество[2].

Более всего пугали православное духовенство марийские моления в священных рощах, сопровождавшиеся жертвоприношениями. Прежде всего, их совершали закоренелые язычники, однако и марийцы крещёные вызывали беспокойство православного духовенства: на протяжении указанного периода они несколько раз устраивали